

Военные
Приключения

Хроника
★ Беркута ★

ПЛАЦДАРМ НЕПОКОРЕННЫХ

БОГДАН СУШИНСКИЙ

Хроники «Беркута»

Богдан Сушинский

Плацдарм непокоренных

«ВЕЧЕ»

2010

Сушинский Б. И.

Плацдарм непокоренных / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Хроники «Беркута»)

Конец зимы 1943 года. Отряд капитана Беркута продолжает оборонять Каменоречье – важный плацдарм в тылу немецких войск, который должен стать опорным пунктом будущего наступления Красной армии. Но планы советского командования изменились, и теперь только от самих бойцов и командира зависит – сражаться дальше или возвращаться к своим... Роман завершает новый цикл «Хроника «Беркута» известного писателя Богдана Сушинского и является продолжением романа «До последнего солдата».

© Сушинский Б. И., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	14
5	17
6	21
7	25
8	28
9	31
10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Богдан Сушинский

Плацдарм непокоренных

1

Осколки снарядов смешивались с мириадами зерен каменного крошева и остервенело врезались в стальные борта танка вместе с комьями мерзлой земли. Артиллерийско-минометный обстрел захватил Беркута и Арзамасцева на полпути от основной штольни к «маяку», и они, не решаясь взбираться по броне, просто-напросто заползли под танк, притаившись между его гусеницами.

Вскоре они поняли, что это – единственное безопасное место в этой части довольно равнинного плато, где у них оставался шанс уцелеть, даже если снаряд угодит прямо в машину. Осознав преимущества своего положения, оба приободрились и, проверив автоматы, начали всматриваться в просветы между ближайшими гребнями скал, опасаясь, как бы немцы не пошли вслед за огненным валом.

– А ведь, знаешь, капитан, тогда, на льду, когда мы подбирали разведчиков, я чуть было не ушел.

– Я это почувствовал, – беззаботно ответил Беркут, снимая кожаные, на меху, немецкие перчатки и растирая влажные, озябшие пальцы. Перчатки промокли и их пора было основательно просушить.

– Ты не понял меня. Не сюда, не в подземелье, я собирался уходить, – с яростью в голосе объяснил Арзамасцев.

– Конечно, не сюда, – невозмутимо согласился капитан, хотя тогда, на льду, он даже не подозревал о том, что Арзамасцев замысливает нечто подобное.

– Коса далеко. Берег, на котором, за полосой территории, занятой врагом, находятся свои, – вот он. Обошел село, добрался до линии фронта, а там видно будет.

– Логика мне понятна, – сказал Беркут, – раз просочились разведчики, значит, пройти все-таки можно. По крайней мере есть смысл попытаться.

– Да, тогда он еще был, этот смысл. Сам не понимаю, почему не воспользоваться случаем. А теперь немцы не оставили нам никакой надежды. В лагере военнопленных – и то ее было больше.

– Ты и не мог воспользоваться этим случаем, – «успокоил» его капитан. – Потому что я расценил бы твой уход, как дезертирство. Со всеми вытекающими последствиями...

Арзамасцев нервно рассмеялся и, переждав разрыв очередного снаряда, врезавшегося в чашеобразный валун метрах в десяти от танка, резко ответил:

– А кто тебе сказал, капитан, что я служу у тебя? В твоём подразделении? Мы с тобой всего лишь попутчики. Вместе бежали из лагеря – вот и все. Так ведь мало ли кто с кем в паре убегает. Поэтому ты мне не указ. Особенно сейчас, когда мы, считай, на своей территории. Вернусь в часть, доложусь, как положено, – и тогда вот окажусь во власти своих командиров, пусть командуют мною.

– Ты служишь не у меня, я это помню. Но служишь ты все-таки в армии, ефрейтор, – об этом я тоже никогда не забывал. И тебе не советую.

Арзамасцев вновь рассмеялся. Коротко, нервно.

– Сегодня же вечером уйду на тот берег, понял? С меня хватит. Я убежал из плена, чтобы вернуться в часть, а не для того, чтобы мытарствовать по вражеским тылам. Мытарствовать только потому, что тебе, лейтенанту, капитану, или кто ты там на самом деле, так нравится.

Тебе лишь бы рисковать. Ты, как игрок, который не способен остановиться, пока не проиграется вчистую. Можешь взять меня под арест, если хочешь помешать моему уходу.

– Нет, ареста не последует.

– Тогда прикажи кому-нибудь подкараулить меня на берегу, чтобы подстрелить, когда стану уходить по льду.

Беркут удивленно взглянул на него, выполз из-под передка танка, посмотрел на оранжевый предбуранный диск солнца, зависшего над серым печальным горизонтом, словно это от него, от небесного светила, зависело сейчас, прекратится наконец огненный смерч боя или нет, – но, заслышав вытье мины, опять нырнул под спасительную громаду стали.

– Божественно размышляешь, ефрейтор, божественно. Я бы и сам с удовольствием ушел с тобой.

– Что же мешает? – оживился Арзамасцев, понимая, что возможность уйти отсюда вместе с капитаном – лучшее, что способна послать ему судьба.

– Многое мешает, тем более что...

– Да ничерта нам теперь не может помешать! – прервал его ефрейтор. – Сколько могли, мы продержались. Приказ выполнили. Когда наши начнут наступать, – неизвестно. Пока что немцы теснят их, а не наоборот. Вот и скомандуй, чтобы теперь каждый решал сам за себя: кто желает, пусть пробивается к своим, кто нет – пусть остаются здесь или уходят в плавни, в лес, да куда им заблагорассудится.

– Я действительно ушел бы с тобой, – продолжил свою мысль капитан. – Однако уйти, когда вокруг столько врагов... И появилась такая чудная возможность сдерживать и бить их... Нет, это было бы не по-солдатски. Я бы ушел с тобой, Арзамасцев, ей-богу, ушел бы. Но... долг не велит.

– Брось: «долг». У тебя-то какой долг? Ты свое за полную роту отвоевал. Если не за батальон. Я могу подтвердить это.

– Ниче-го ты не понял, Арзамасцев, – задумчиво проговорил Андрей. – Сражаться здесь, или оставлять врагу такой плацдарм, – классический плацдарм, овладеть которым будет потом адски трудно, – для меня это действительно вопрос долга. И чести. Прежде всего, офицерской чести.

– О, боже. Опять та же молитва: «долг», «честь»! Кому нужны твои долг и честь, если завтра твое тело бросят в полынью, потому что похоронить поленятся. Ах да, забыл, ты ведь офицер. Отец, дед, прадед... И вообще весь ты из офицерского рода... А у меня в роду все мужики солеварами были.

– Кем-кем? – не понял Андрей.

– Солеварами. Соль добывали. Обычную, кухонную. На озерце возле Каспия.

– С представителем этого ремесленнического цеха встречаться мне еще не приходилось, – появился в глазах Беркута неподдельный мальчишеский интерес. – Ну-ну, еще немного о солеварах...

– Да о них и рассказывать особо нечего. Все вокруг в соли, сами просолены с головы до пят, и вся жизнь наша соленовато-горькая. Из меня, вон, до сих пор соль килограммами выходит. И не та, потная, что у тебя. Нет, озерная, впитавшаяся в тело за много лет. Настолько впитавшаяся, что от самого вида соли в солянке меня начинает мутить. Так что нам не до гонора было: добро бы из нищеты выкарабкаться, да на пару сапог заработать, выжить. Соль-то всем нужна, но ценится-то она на гроши. Только на эту самую соль заработка и хватает. Так что у нас это в мозгу, в крови заложено: выкарабкаться, выжить. А ты – долг! Долгов еще наделаем, успеется.

Он говорил еще что-то, но Беркут уже не слушал его.

Слева от них, в просвете между валунами, мелькнул какой-то серый комок. Он скрылся за выступом, снова появился и, лишь когда скатился в низину, по которой пролегал единствен-

ная, ведущая к центральной штольне, дорога, теперь сплошь заваленная камнями и перегороженная двумя баррикадами, капитан разглядел в нем неказистую фигуру солдата в длинной шинели и со «шмайссером» в руках. Под разрывом, будто специально ему вдогонку посланного, снаряда этот солдатик залег уже не на дорогу, плашмя, как и следовало бы, а втиснулся в расщелину на склоне и сразу же огрызнулся короткой автоматной очередью.

– А ведь это, кажись, Звонарь, – напряг зрение Андрей. – Неужели действительно он? О котором мы, грешные вояки, снова на полутора суток забыли. Только раз вспомнил: жив он там еще, или уже отвоевался? Так Мальчевский, чуткая душа, поспешил успокоить: «Да жив он, жив, крокодил мангазейский! Шнапса ворованного надудлился и спит под камнями, как у паршивой кумы под забором!».

– Может, и он, – безразлично согласился Арзамасцев. – Еще один из тех, что родинешибко задолжали... И похоже, что с плохой вестью.

– Заседание философского клуба будем считать закрытым, ефрейтор, – проговорил Беркут, выползая из-под брони. – Много их там, Звонарь?!

– Около роты! – это действительно был он. – Хутор обходят!

– Под прикрытием огненного вала, значит? Тактика, конечно, правильная. Арзамасцев, помоги ему. Я сейчас.

2

Буквально под градом осколков Андрей взобрался на броню танка, открыл люк, но, прежде чем нырнуть в него, осмотрел открывающийся отсюда участок плато. Немцы наступали двумя эшелонами. Первый, еще под прикрытием артиллерийского огня, прорвался через заслон между хутором и возвышенностью, за которой начинались каменоломни. Второй тоже двигался широким фронтом, почти во всю ширину косы.

Танк стоял в низине, так что башня едва выступала над плато. Но еще в первый день обороны капитан установил, что эта машина с пятью снарядами к орудию вполне боеспособна и в просветах между скалами может ударить даже прямой наводкой. Удобно было вести отсюда огонь и по левому берегу реки. Но оттуда их пока не тревожили. До сих пор немцы все еще побаивались выходить на лед. Именно для «ледового побоища» он пока и приберегал эти боеприпасы.

– К бою! – скомандовал Беркут уже под прикрытием дверцы люка, которая приняла на себя несколько пуль, больно ударив его в плечо. – Лейтенант, поднять бойцов из штольни!

Он не знал, оказался ли среди тех, кто суетился наверху, на карнизе штольни, лейтенант или нет. Но кто-то же должен был услышать его.

Тем временем вступили в перестрелку посты группы заслона, выставленные по ближайшей гряде. Это уже в какой-то степени спасало ситуацию. Быстро освоившись в танке, Андрей повернул башню, чтобы ствол пулемета попал в просвет, и проверил оружие. Кажется, он успел вовремя. Атакующие уже подошли к тому месту, где начинался распадок, и быстро накапливались в нем. При этом немцы совершенно не обращали внимания на завешанную рыбацкой сетью и залепленную снегом башню танка, считая машину давно вышедшей из строя.

Выждав еще несколько минут, Беркут подпустил вермахтовцев метров на двадцать и лишь тогда ударил по ним, по выступам скал, которые сразу же осыпали их каменными осколками; по тем нескольким фигурам, что еще только подступали к распадку. Затем, повернув башню так, чтобы видеть в смотровую щель часть другого распадка, он навел ствол орудия по верхней части огромной гранитной глыбы, венчавшей лощину, словно купол храма, и вновь подождал, пока у подножия ее накопится как можно больше наступающих.

Андрей видел их серые согнутые тени, ныряющими в распадок, однако ни снарядом, ни пулями достать не мог.

Единственный выход – ударить по вершине глыбы, усеяв приют немцев адским градом из камня и металла, точно таким же, каким они только что посеяли русских.

– Артиллерист из меня, конечно, неважный, – пробормотал он, посылая снаряд в казенник. – Сюда бы Крамарчука, тот бы с вами поговорил, как полагается, со всей душевностью. Но его нет, так что вы уж извините.

Когда дым, грохот и султан взрыва улеглись, Беркут увидел, что фасад глыбы совершенно изменился, та часть ее, которая нависала над низиной, рухнула вниз, очевидно, искалечив и похоронив всех, кто под ней находился. Он подождал еще несколько секунд. Нет, никто не поднимался.

«Очень часто судьба боя зависит от того, окажется ли в нужную минуту какой-нибудь перепуганный солдатик на краю полуобвалившегося окопа, в котором никого из его защитников в живых не осталось, – вспомнилась ему мрачная присказка их преподавателя по тактике обороны. – Одного-единственного перепуганного солдатика со своей трехлинейкой. Которого иногда так не хватает».

– Что, выкурили тебя, Звонарь? – добродушно спросил он, оставив танк и присоединившись к Звонарю и Арзамасцеву.

– Да не то чтобы совсем...

Встреченные с трех сторон огнем, немцы очень быстро поняли, что в штольнях рядами красноармейцев не достанешь, и начали пятиться за первый вал, на окраину плато. Правда, от двух домов хутора, которые капитан мог видеть отсюда, остались лишь руины. Но и они опять огрызались автоматным огнем. Дело в том, что, как только начался артналет, защитники попрятались в выдолбленных в камне подвалах, служивших теперь надежным убежищем. И никаких потерь не понесли.

– Выкурили-таки, выкурили.

– Это я к хлопцам на хутор забежал – погреться, покурить. А назад не успел. Чуть германцу в пасть не угодил, хорошо, что догадался прыгнуть в ложбину.

– В любом случае возвращаться к воротам уже поздно, поэтому оставайся здесь. Впрочем, с хутора тоже пора отойти. Еще одна такая атака, и они зажмут нас возле штолен. Тогда каждый боец будет на счету.

– И зажмут, – согласился Звонарь. – Лед на реке уже вон какой. К утру оттуда попрут. Но драться здесь все же можно. Лучше позиций не найти.

– Слышал, ефрейтор, – обратился Беркут к Арзамасцеву, – а ты говоришь: долг солдатский нам не ведом. Пока мы вместе, несколько дней еще продержимся. И врага продержим.

– А не продержали бы – так что, фронт рухнул бы?! Или, может, только на наших штыках он и держится?!

– Все может быть, – рассудительно покачал головой Беркут. – Может, только на наших и держится. Так что гордитесь.

– Или молитесь, – проворчал ефрейтор.

– Разговоры прекратить, слушайте приказ: остаетесь пока здесь и внимательно следите за распадком, вдруг кто-то из вермахтовцев оживет. Я же сбегая на хутор, посмотрю, что там делается. Старшим остается ефрейтор Арзамасцев.

Но, уже уходя от бойцов, капитан услышал, как Арзамасцев негромко спросил Звонаря:

– Думаешь, по такому льду действительно можно пройти от берега до берега?

– Если за день не пригреет, да под луну чуть сильнее прихватит, – хоть танком езжай, – подогрел его дезертирское настроение рядовой.

3

Беркут знал, что рано или поздно приказ этот из штаба дивизии последует: нужны были сведения об огневых точках на правом берегу, вообще о ситуации на правобережном участке, подступающем к Каменоречью.

– Кого пошлем? – обратился капитан к Глодову, как только прочел поданную ему радиостом радиогруппу.

– В принципе сформировать группу несложно. А вот, чтобы в составе ее оказался человек, хоть немного знающий деревню и окрестности.

– Среди бойцов есть местные?

– Надо бы спросить. Хоть один должен бы обнаружиться.

– Кого бы вы ни спрашивали, отцы-командиры, все равно выяснится, что такой боец у нас один – Калина Войтич, – объявил случайно оказавшийся здесь Мальчевский, привыкший в промежутках между боями околачиваться возле офицеров.

– Она не является бойцом, – мгновенно отреагировал Андрей. – Никто в состав гарнизона ее не зачислял.

– А кто должен был зачислять ее, праведницу варфоломеевскую? Она сама себя... хоть в Генштаб зачислит. Если только ей вздумается.

– Отставить, Мальчевский. Сами прекрасно знаете, что бойцом Красной армии она не является, – ворчливо известил капитан.

Мысль о том, что он должен рисковать Калиной, показалась Андрею дикой и совершенно невыносимой. Девушка была права: та ночь многое изменила в их отношениях. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, его везде сопровождало незримое присутствие Войтич. Тем более что она и в самом деле частенько оказывалась где-то неподалеку. Не рядом, а как бы на ближайшем горизонте.

Вооруженная коротким кавалерийским карабином – очень удобным для нее, из которого она стреляла с невообразимой меткостью, и двумя пистолетами, Калина целый день ненавязчиво рейдировала неподалеку КП, или же продвигалась вслед за Беркутом в его вылазках на передовую. При этом Андрей почти физически ощущал, что его охраняет снайпер и что в любую минуту может прогреметь выстрел, причем за несколько мгновений до того, как сам он заметит опасность. И лишь время от времени это рейдирование Войтич надоедало, и тогда она на полчаса или на час отправлялась к «воротам» Каменоречья, на вольную охоту.

– Наверное, стоит все же зачислить ее, капитан. А то ведь всю немчуру вокруг, не будучи бойцом гарнизона, перестреляет. Как потом перед начальством оправдываться будем? Зря сухарь армейский жевали, получается.

– Если я и решусь послать ее, то командовать группой прикажу тебе, – пригрозил капитан.

– Кому ж еще горгоной этой содомо-гоморской командовать, как не мне? – невозмутимо признал-согласился младший сержант.

И по тому, с какой покаянной обреченностью согласился он с таким решением, Беркут определил: «А ведь не равнодушен к Калине! Как бы на людях не цапался с нею, существует, существует какая-то негласная связь между этими, на первый взгляд, совершенно непримиримыми в своем сосуществовании людьми!». Поняв это, Андрей ощутил совершенно отчетливую ревность. Даже то, что в разведку им придется идти вместе, уже как-то настораживало капитана.

«Ну, знаешь... – тотчас же осадил он себя, поняв, как далеко могут зайти эти гарнизонные страдания. – Не хватало еще только любовных интриг! Все остальное, вплоть до братских могил, уже имеется».

– Давайте, – предложил Глодов, – решим так: если Войтич согласна, пусть идет. Кто возразит, что она – боец, в полном смысле этого слова?

– Согласен, – несколько резковато подчинился «воле большинства» капитан. – Пусть. Если, конечно, на то будет ее воля.

Пока они выясняли, стоит ли привлекать к операции Калину, совершенно неожиданно появилась она сама.

– Знаю-знаю, собираетесь идти в деревню на том берегу.

Мужчины удивленно переглянулись, пытаясь выяснить, откуда утечка информации, кто за это время выходил из КП.

– Да не мучайтесь, это мне Ищук сказал, – объяснила Войтич. – Заглядывал, когда вы, – обратилась к Беркуту, – разговаривали со штабом. Ну а потом случайно встретил, вспомнил, что я из той деревни, знаю дорогу...

– И что же вы решили? – сухо поинтересовался капитан.

– Не собираетесь же вы посылать туда группу без меня?

– Как раз это мы и собирались делать. Пойдут лейтенант Кремнев, двое его бойцов и сержант Мальчевский.

– Ты бы еще полк туда послал, капитан, – возмущенно перешла на «ты» Калина. – Мы же таким табуном всех фрицев на ноги поднимем. Добавь еще с десять штыков, так мы их попросту выбьем из села, и все тут.

– А что, может, взять и выбить, а, Глодов, Мальчевский? Ведь божественная мысль!

– Словом, так, генералиссимусы аустерлицкие, – решил взять на себя инициативу Мальчевский, – на тот берег пойдем я и боец Войтич.

– А еще – Арзамасцев, – вставила Калина.

– И ефрейтор Арзамасцев, – не задумываясь над тем, почему именно эта фамилия вдруг всплыла, подхватил Мальчевский. – На этом совет в Филях будем считать закрытым.

– Арзамасцева – отставить, – сурово возразил капитан.

– Но он сам как-то напрашивался сходить в деревню, – возразила Войтич.

– «Сходить в деревню» – это одно, сходить в разведку совершенно другое.

– Да пусть проветрится, бык-производитель колхозный, на ферме застоявшийся! – поддержал Калину младший сержант.

– Не готов он к разведке, и точка! – не стал Беркут объяснять свое нежелание соглашаться с кандидатурой Арзамасцева. – Пойдете вы, Мальчевский, вы, Войтич, но лишь потому, что вы – местная, и что таково ваше желание; а еще – лейтенант Кремнев, с двумя бойцами. Он все же «разведка», ему виднее, что там и к чему. Ночью пойдете. Сейчас туман, мороза почти не ощущается, а значит, снег под ногами скрипеть не будет. Это важно. Собак немцы давно перестреляли, луны, судя по всему, не предвидится. Идеальная «ночь разведчика». Ищук!

– Здесь я, – возник тот из-за ширмы.

– Лейтенанта Кремнева сюда.

Лейтенант находился неподалеку. Буквально через две-три минуты он уже стоял перед капитаном.

– ...Особое внимание обратить на огневые точки противника, на орудия и танкетки, – продолжил Беркут инструктаж уже в его присутствии. – Но, главное, попытайтесь взять языка.

– Разве нам уже понадобился язык? – удивленно пожал плечами Кремнев. Идти в разведку ему явно не хотелось. Ни теперь, ни когда-либо раньше «романтика линии фронта» его как разведчика не привлекала, и это огорчало Беркута, поверившего было, что перед ним истинный разведчик-профессионал.

– Не нам он понадобился, а генералу Мезенцеву.

– Тогда другое дело.

– Вчера днем в деревне наблюдалось скопление техники. Не исключено, что где-то там, возможно, на бывшем машинном дворе, находится склад горючего. Это очень важно выяснить. С горючим у немцев сейчас вообще трудновато. А уж доставлять его сюда для них – сплошная мука.

Несмотря на то, что сам Арзамасцев тоже попросился в разведку, в группу Кремнева комендант его так и не включил. Единственное, что он ему позволил, – довести группу до правого берега и засесть там, чтобы прикрывать, в случае неудачного рейда в село. При этом Беркут потребовал от ефрейтора дать слово чести, что попытки драпануть за линию фронта он не предпримет.

* * *

Пока разведчики отдыхали перед выходом на задание, Беркут, в сопровождении лейтенанта Глодова, осматривал северные рубежи своей скалисто-подземельной крепости. Он уже не впервые задавался вопросом: почему германцы до сих пор не бросили на это плато батальон пехоты при поддержке минометов и не загнали его гарнизон в штольни, чтобы затем довольно быстро выкурить оттуда?

Объяснений напрашивалось несколько: то ли немцы попросту не имели под рукой лишнего батальона, ибо все боеспособные части уже переброшены на тот берег реки; то ли мешали туманы и снегопады, не позволявшие противнику ни должным образом оценить угрозу, исходившую от засевшей в их тылу горстки красноармейцев, – ведь мирились же они все эти годы с существованием в их тылу довольно больших партизанских отрядов, и даже целых соединений.

Но теперь он все больше склонялся к мысли, что помог ему продержаться не кто иной, как гауптман Ганке. После его доклада о том, что с группой окруженцев покончено, в немецких штабах теперь уже не могли, или не желали, понимать, что тут в действительности происходит.

– Как думаете, капитан, сколько дней нам еще удастся продержаться здесь? – спросил Глодов, когда они приблизились к руинам цеха каменотесов, у которого все еще валялись незавершенные каменные блоки, балки перекрытия для каменных крестов да заготовки для надгробий.

– Теперь все зависит от противника. Если он и дальше особого значения придавать нам не будет, то еще, как минимум, дня три. Имею в виду на поверхности. И не менее недели – в катакомбах.

– Предполагаете, что сумеем продержаться целую неделю?

– Если сумеем создать достаточный запас еды и боеприпасов, то и дольше. По законам войны, мы уже должны были бы уйти туда, сузив наземный участок обороны до небольшого клочка побережья по обе стороны косы. Но ведь остались-то мы здесь не для того, чтобы выживать самим, а чтобы не давать жить врагам.

– И вовремя ударить с тыла, когда наши пойдут в наступление, – задумчиво поддержал коменданта Глодов. – Признаться, в подобной ситуации мне приходится быть впервые. До этого – обычная передовая, переформирование в ближних тылах...

Их беседа была прервана появлением Кобзача. Заметно исхудавший, давно не бритый, старшина становился все меньше похожим на солдата и все больше – на местного, камнереченского отшельника. И был он явно встревожен.

– Только что с двумя своими хлопцами по ничейной проползал, – сообщил он. – К немцам прибывает подкрепление. На моих глазах появилось три грузовика с солдатами. На одном из них – русские. То ли полицаи, то ли из этих, которые при генерале Власове состоят.

– Три машины – не то подкрепление, из-за которого стоит портить себе нервы, – хладнокровно заметил Беркут. – Но оно должно настораживать. Вполне вероятно, что уже завтра противник попытается прочесывать нашу монашескую пустынь.

– К тому же прибавьте два орудия, которые они притащили с собой.

– Это уже посерьезнее. На таких камнях, при взрывах, больше солдат гибнет от щебня, нежели от осколков снаряда.

– Лучше бы их сразу же уничтожить, – мечтательно признал старшина. – Но только попробуй подобрись к ним!

– Может, отменим поход на тот берег и бросим группу сюда, прощупать пополнение? – загорелся этой мыслью Глодов. – Тем более что, если в деревне поймут, что «языка» взяла наша группа, могут двинуться сюда, на усмирение.

– Именно так мы и поступили бы, если бы не существовало приказа генерала. В штабе дивизии уже ждут наших разведданных. Этим все и оправдывается.

Лейтенант растерянно развел руками:

– Понятно, что с генералом лучше не спорить.

– Старшина, обойдите заставы и прикажите бойцам держаться поближе к таким укрытиям, где можно спастись от осколков, то есть к пещерам, гротам, каменным навесам, руинам... К ночи все заставы отвести ко второму валу и предельно усилить бдительность.

4

Уже возвращаясь в Каменоречье с «языком» – рослым, костлявым унтер-офицером, Кремнев не раз благодарил судьбу, что в составе группы оказалась Калина.

Со стороны реки немцы выставили довольно плотный заслон – с пулеметными точками, засадами и бродячими заставами. Однако Войтич сумела подвести их к узкому, подползающему к самой реке оврагу, и по нему группа метров на сто углубилась в деревню, не встретив на своем пути ни одной души.

Оказавшись в центре села, девушка сначала повела лейтенанта к большой, довольно просторной хате, в которой обитал древний, но еще довольно бойкий старик, бывший объездчик.

Любчич – как он представился Кремневу, словно бы только и ждал их появления. Случилось так, что какой-то немецкий офицер заставил Любчича сопровождать его при расквартировании вновь прибывших солдат. Воспользовавшись этим, бывший колхозный объездчик высмотрел у врага все, что только можно было. Он знал, где квартируют офицеры, где стоят их машины и две танкетки. А еще сообщил, что чудом уцелевшую школу немцы превратили в казарму.

Поблагодарив его, Войтич и лейтенант тотчас же увели группу к школе.

– Теперь вы понимаете, товарищ капитан, что в разведку я могла идти одна? – самодовольно молвила девушка.

– Теперь – да.

Сняв ударом ножа часового, Исмаилов, слывший у лейтенанта спецом по «снятию», облачился в его шубу, реквизированную немцами, очевидно, у какого-то ночного сторожа, а еще минут через десять им удалось повалить и связать унтер-офицера, наверное, возвращавшегося в казарму от какой-то молодки. Был он в это время основательно навеселе, и даже когда, захватив его за ворот, Исмаилов приставил к горлу финку, унтер, казалось, ничего толком не понял, восприняв случившееся чуть ли не как глупую выходку «своего» часового.

Первыми – оттаскивая убитого – отходили в сторону реки Кремнев и Исмаилов. Володчук и Мальчевский тащили пленного. Калина и Арзамасцев прикрывали их, при этом девушка успевала замечать «веничком» следы, благо, что снежный наст выдался крепким, и все пространство между школой и оврагом было покрыто ледяной коркой.

Дойдя до крутого изгиба, группа остановилась. Впереди, у моста, слышались голоса патрульных, и Кремнев решил переждать, пока они пройдут мост и удалятся.

– Послушай, овраг этот тянется до конца села? – опустил рядом с Калиной, на полуприсыпанный снегом куст, Арзамасцев.

– А потом уходит влево, за село, до самого леса. Там он, правда, помельче.

– Так здесь рядом лес? – оживилась партизанская душа ефрейтора. – Настоящий, большой лес?

– Не то чтобы большой, но густой, еловый, разбросанный по склонам каньона и большой каменистой долины...

– Постой, – вдруг спохватилась Войтич. – Ты чего это?

– Значит, километра два можно пройти по нему, не опасаясь немцев? – продолжал думать о чем-то своем Арзамасцев. – Знать бы, сколько до линии фронта.

– Останавливаться в лесах они не любят – это уж точно. Кстати, лес этот у нас Ведьмацким зовут. Слишком часто блуждают в нем.

– Но тянется он в сторону передовой? Туда, на юг?

– В сторону... Постой, что это ты вдруг так заинтересовался оврагом, лесом и передовой?

– Из любопытства.

– Не темни. За линию рвануть собрался? Прямо говори, не выдам.

– Я здесь оказался случайно. Никто меня в гарнизон этого сумасшедшего капитана не определял. Достаточно того, что я с ним по ту сторону фронта намучился. Где он только взялся на мою голову. Мы-то ведь прибыли сюда...

– Знаю, все знаю. Вынужденная посадка самолета. Случайная машина с боеприпасами и харчами, которая, вместо тыла, шла на передовую... – полушепотом протараторила Калина. – Только ты вот что, червь лагерная, капитана своего оплевывать не смей. Он-то среди вас всех, может быть, и есть тот, единственный настоящий солдат. Не в пример всем вам, остальным, кого судьба загнала в каменореченские подземелья.

– О капитане слова плохого не скажу, – клятвенно пообещал Арзамасцев.

– И все-таки, почему ты собрался уходить?

– Говорю же тебе: из плена бежал. Буквально из могилы выполз. Хотя бы один день хочу пожить где-то там, в тылу среди своих, на своей земле. Пусть потом опять на фронт, но...

– Хватит рыдать. Раз настроился, можешь идти. Без тебя, горемычного, как-нибудь справимся.

Арзамасцев прекрасно расслышал слова Калины, однако не сразу уловил их смысл. Уставившись на девушку, он несколько мгновений ожидал, что она повторит сказанное.

– Ты что, согласна, чтобы я?..

– А ты больше всех меня опасался? Уверен был, что пальну в спину; что даже если уйдешь – достану и прикончу?

– Я ведь не к немцам бегу, а к своим, к армии! – возмутился Арзамасцев.

– Эй, вы, гладиаторы колизейские! – выглянул из-за изгиба Мальчевский. – Что вы тут курлычете, как журавушки, вместо Африки на Колыму улетевающие?

Сержант откровенно завидовал сейчас Арзамасцеву, которому выпало быть рядом с Калиной, и в то же время откровенно ревновал к нему.

– Исчезни, – повела в его сторону стволом карабина Войтич. – Сказала: исчезни!

– Как только ты ее, Арзамасцев, терпишь, мегеру соловецкую? – проворчал Мальчевский и, еще немного поколебавшись, все-таки исчез.

Мост был далековато, однако Войтич и Арзамасцев прекрасно слышали, как солдаты громко – очевидно, вспомнив какой-то казарменный анекдот, – расхохотались. И уходить с моста пока что не собирались.

– Так почему ты меня так вот просто... напутствуешь? – едва подобрал нужное слово Арзамасцев. – Ты ведь теперь вся при капитане.

– Как раньше «при нем» был ты. Неужто успел забыть, гнида лагерная?

– Ну, я... Мы столько прошли...

– Не мычи. Ты мне, честно говоря, осточертел. Сама не пойму, кто ты: то ли слишком преданный адъютант, то ли лагерная шестерка. Если бы, уходя, ты еще и Клавку эту, стерву майорскую, прихватил, цены бы тебе не было.

– Ее я бы как раз с удовольствием прихватил, – не стал отнекиваться Арзамасцев. – Да только лейтенант Глодов что-то слишком разнервничался, соперник Кремнева.

– Лейтенант не в счет. Лишь бы она подальше от Беркута держалась. Хотя относительно лейтенанта Глодова... Надо подсунуть лейтенанта учихе этой, на всякий случай.

Они помолчали, прислушались. Солдаты затихли. Может, ушли, может, просто приумолкли. Однако начинать движение Кремнев почему-то не торопился.

– Ну так я...

– Только не сейчас, – упредила его Калина. – Если сейчас, расценят как дезертирство. Ты что: прямо с задания!

– Когда же?

– Когда дойдем до реки, а еще лучше, до своего берега. То есть с разведки уже как бы вернулись, так что приказ ты выполнил. А коль так, рви себе, куда заблагорассудится.

– Арзамас, в путь! – в ту же минуту раздался голос Мальчевского. – По колесницам!

До берега они добрались без каких-либо приключений. Но как только остальная часть группы уползла за бугорки полегшего на лед камыша, Калина тронула Арзамасцева за рукав.

– Не передумал?

– Нет.

Она отсоединила от заброшенного за спину трофейного автомата магазин и протянула его ефрейтору.

– Все, чем могу одарить.

– Уговори Беркута, чтобы шума не поднимал, не объявлял меня дезертиром.

– Как можно скорее проскакивай путь, которым мы прошли, – ничего не стала обещать ему Войтич. – Немцы вот-вот бросятся разыскивать часового, поднимут тревогу.

– Кого ты учишь?! – умышленно возмутился Арзамасцев. – Знала бы ты...

– Все, что мне положено знать, я знаю, с меня достаточно, – огрызнулась Калина.

И, не обращая больше внимания на ефрейтора, уползла вслед за разведчиками.

Дело было вовсе не в том, что ефрейтор постоянно вертелся возле капитана. Просто ей жаль было этого парня, чудом вырвавшегося из ада концлагерей и так глупо не дошедшего до своих. Благословив его на побег, Калина как бы искупила вину перед ним капитана Беркута.

И пусть ей это зачтется: не богом – так хотя бы капитаном.

5

Отправив разведгруппу, Беркут еще несколько минут посидел на подземном командном пункте, но, поняв, что усталость окончательно выбивает его из колеи, решил уйти в свою «наземную резиденцию».

Он знал, что хозяин ее, старик Брыла тяжело заболел, поэтому сначала убедился, что бойцы, как и чем могли, накормили хуторянина и затопили печь, и только после этого пошел в свои «апартаменты».

Усевшись в плетеное полуразрушенное кресло, он прижался спиной к постепенно теплой стене, за которой топилась печь, и закрыл глаза.

Он представил себе бойцов, пробирающихся сейчас прибрежными зарослями к деревне. Пронизывающий холод, притаившаяся в каждом доме, за каждым забором опасность...

Андрей чувствовал себя как-то неловко от того, что лично не возглавил группу. За все то время, которое Беркут командовал разведывательно-диверсионным отрядом в тылу врага, он настолько привык к тому, что операции проводятся под его командованием, что уход группы Кремнева на задание без него казался ему событием совершенно немыслимым. И еще... мысленно он был сейчас рядом с Калиной.

Конечно же он сглупил, решившись послать вместе с группой и эту девушку. Понятно, что идти в деревню, имея такого проводника-снайпера, одно удовольствие. Вот только вправе ли он рисковать ради этого жизнью женщины. В конце концов мужики вполне могли бы взять «языка» и без нее. В то же время мог ли он остановить «неистовую Войтич» в ее желании во что бы то ни стало наведаться в родную деревню?

Окончательно запутавшись в своих полусонных-полубредовых размышлениях, капитан проверил, хорошо ли заложено камнем и занавешено, для светомаскировки, окно, и зажег лампу, намереваясь дочитать все ту же, оставленную кем-то из немцев книгу. Но едва он одолел три-четыре страницы, как в коридоре раздались шаги, а затем в дверь его комнаты постучали. Стук был легким, вкрадчивым, и явно не солдатским.

«Неужели Войтич вернулась?! – внутренне встрепетнулся Беркут. – Или что-то произошло? Стрельбы вроде бы слышно не было».

– Войдите.

– Извините, ради бога, что вынуждена отрывать вас от чтения, – застенчиво остановилась у двери Клавдия.

Капитан молча поднялся, взял учительницу под локоть и, не говоря ни слова, усадил на свое место у стены. Сразу же уловив исходящее от нее тепло, Клавдия развернула кресло боком и, потянувшись к теплу озябшими руками и щекой, несколько мгновений молча, благодарно смотрела на капитана.

– Значит, будем считать, что мы так и договорились: остаетесь в этой комнате, а я отправляюсь в выработку, которую вы сейчас занимаете. И вообще это несправедливо...

– Похвальная воспитанность, капитан. Но, находясь здесь, я умру от страха при первом же разрыве снаряда или как только пойму, что к дому приближаются немцы.

– В том домишке, в плавнях, из которого вы отстреливались, спасая себя и раненого майора, было куда страшнее...

– Ради бога, не вспоминайте! – прервала его Клавдия. – Это было невыносимо ужасно. Именно после спасения в плавнях, при котором вы явились мне в образе ангела-спасителя, я начала смертельно бояться любого выстрела.

– Все должно быть наоборот, ведь там вы стали обстрелянным бойцом.

– Понимаете, что произошло: в те минуты я уже попрощалась с жизнью. Все, я осознала, что спасти меня может только чудо, которых не бывает. Но оно, чудо это, произошло.

Каким-то совершенно непонятным образом уцелев, я по-иному начала смотреть на жизнь, по-иному ценить ее, да и любить тоже по-иному.

– Майора? – неосторожно, в форме явно неудачной шутки вырвалось у Беркута.

– Ну при чем здесь майор? – мягко улыбнулась Клавдия. – У нас с ним совершенно иной характер отношений. Я всего лишь имела в виду любовь к жизни.

– Если любовь к жизни, тогда понятно, – поспешно ретировался Беркут. – А ко мне явились с просьбой переправить вас назад, в деревню, из которой пришли?

– Верно, мне хотелось бы как можно скорее уйти отсюда. Но только не в ту деревню, где учительствовала. Там меня слишком хорошо знают и тотчас же могут выдать, сообщив, что спасала офицера. Да и вообще не хотелось бы...

– Мотивы понятны. Однако учтите: появление такой симпатичной женщины – это не комплимент, а факт – в любой из занятых немцами деревень вызовет усиленный интерес. Под каким именно предлогом вас арестуют – то ли как партизанку, то ли по подозрению в том, что вас переправили из-за линии фронта, особого значения уже не имеет. Ни для вас, ни, тем более, для германцев.

– Что же вы советуете?

– Ждать. Набраться терпения, мужества, силы воли, – и ждать освобождения. Здесь, в каменоломнях.

– И как долго? Нет, вы хотя бы приблизительно укажите срок, как долго ждать.

«Нервы сдают, – устало взглянул на нее Беркут. – Оно и понятно. Когда очень хочется выжить, каждая минута жизни превращается в мучительную минуту ожидания смерти – парадокс человеческой психики».

Ему и самому очень хотелось дожить до того часа, когда наконец-то окажется на земле, не занятой врагом, в тылу своих, а не вражеских войск. Он мечтал об этом с лета сорок первого, он выстрадал это право по концлагерям, он добыл его в боях. Да только кому об этом скажешь?

– Думаю, не больше недели.

– В самом деле не больше?

– В принципе военная инициатива на нашей стороне. В общей массе немцы откатываются на запад, поэтому прорыв на нашем участке – всего лишь временный успех, на каком-то незначительном отрезке фронта.

– Вы говорите сейчас голосом диктора из радиоточки, – упрекнула его Клавдия. – И думаю, что делаете это преднамеренно.

– Угадали. Но в любом случае учтите, что впереди зима, надвигаются морозы. Самое время наших контрнаступлений. В мороз вояки из немцев никакие. Я говорю достаточно убедительно? – улыбнулся Беркут, почувствовав, что речь его действительно стала напоминать то ли речь диктора, то ли выступление перед солдатами, которым через десять минут подниматься в атаку.

Где-то неподалеку, со стороны степи, и в самом деле вспыхнула перестрелка.

«Это в районе дороги, – встревоженно прикинул капитан, прислушиваясь к пальбе. – Участок там, конечно, завален камнями, и все же... самое прорывоопасное направление».

– Но ведь немцы, что наступают на нас, могут истребить наши заставы раньше, чем на берег этот ступит хотя бы один красноармеец.

– Не исключено, – спокойно признал Беркут. – Однако у нас редкостное преимущество – подземелья. Где мы спокойно можем держаться еще как минимум неделю. Убедил? Успокоил?

– Считайте, что да, – неуверенно подтвердила Клавдия после некоторого колебания.

– Ну и божественно.

Несколько минут они сидели молча. Клавдия делала вид, что внимательно вчитывается в строчки написанной по-немецки книги, Беркут же сидел в кровати и откровенно дремал.

Смертельная усталость его не нуждалась уже ни в демонстративном подтверждении, ни в маскировке – она была очевидна каждому.

– Ладно, извините... Пойду я, капитан, – вздохнула Клавдия, откладывая книжку.

– Зачем торопиться? – ответил Беркут, не открывая глаз. – Посидите еще, здесь достаточно тепло.

– Там у меня тоже... относительно тепло.

– Кто бы мог подумать!

– В подземелье – свой климат. А комнатка, которую мне подыскали, вообще удивительно сухая. Кроме того, бойцы устлали ее шинелями, солдатскими одеялами и высушенным мхом плавней.

«Лейтенант Кремнев старается», – отметил про себя Беркут, не ощущая при этом ни ревности, ни досады. Он знал, что лейтенант-разведчик откровенно флиртует с учительницей, по поводу чего ему, Андрею, уже намекали и сержант Мальчевский, и Калина, всякий раз удивляясь при этом, что капитан воспринимает их явные подковырки с философским спокойствием.

– Божественно вы устроились: не хватает разве что буржуйки. Но попытаемся раздобыть.

– Жаль, что вы так ни разу и не провели меня.

– Ошибаетесь, однажды я все же побывал в вашей келье.

– Ах да, верно. Как это я забыла? Но тогда она еще не была столь уютной.

– Тогда – еще нет, – вновь вспомнил он о стараниях Кремнева и его разведчиков, взявшихся покровительствовать не столько над майором, сколько над его спасательницей. – Кстати, если там хорошо замаскировать лаз, немцы могут сто раз пройти мимо него, даже не догадываясь, что за простенком кто-то обитает.

– Лейтенант... – начала было Клавдия. Но, запнувшись на полуслове, исправилась: —... бойцы уже подыскали два больших камня. Как раз для такого случая. И чуть разрыли запасной лаз, по которому, в случае опасности, можно уползти в еще более отдаленную, совершенно изолированную выработку. А еще – добыли для меня немецкую винтовку с двадцатью патронами, а вчера притащили автомат.

– Вместо букетика полевых цветов, – сдержанно улыбнулся Андрей. – Щедрость их непомерна. Благо, что такого добра, как трофейные «шмайсеры», на плато пока хватает.

– Вы словно бы осуждаете их.

– Не осуждаю, а ревную.

– Долго же мне пришлось ждать от вас этих слов, – вздохнула Клавдия.

– Правда, ревную слегка.

– Не старайтесь испортить мнение о себе как о кавалере, оно и так убийственно невысокое.

– Слушаю вас, и говорю себе: «А почему бы тебе самому не явиться к учительнице с букетом автоматов или связкой гранат?».

– А действительно: почему бы вам не явиться к учительнице? Хотя бы и со связкой гранат, если уж ни на что иное фантазии не хватает?

– Воспринимаю, как приглашение. Уроки обращения с оружием вы уже тоже получили?

– Конечно. И даже несколько раз выстрелила. На поверхности. В сторону немцев.

– Предвижу, что противник пережил тогда не самые лучшие минуты в своей жизни.

– Подтруниваете, капитан? – капризно обиделась Клавдия.

– Не без этого, уважаемая учительница. Да простится мне.

– Забудьте наконец, что я учительница.

– С чего вдруг?

– Уже хотя бы потому, что здесь – не школа. Да и вы вряд ли подходите даже для вечера. И потом, судя по всему, это мешает вам свободно общаться со мной. Уважение, страх или по крайней мере опасение перед учительницей сохраняется у каждого из нас с самого детства.

– Божественная мысль. С этого дня напрочь забываю, кто вы по профессии, – пробормотал Беркут, чувствуя, что сон все же одолевает его, несмотря на то, что рядом прекрасная женщина.

Поняв, что капитан продолжает подтрунивать над ней, Клавдия решительно поднялась и направилась к двери.

Беркут поднялся вслед за ней, но, растерявшись, не сразу сообразил, каким образом следует задержать ее у себя.

– Вот именно, капитан, об учительнице следует забыть. Тогда, может быть, вам случится вспомнить, что перед вами просто женщина. Ничуть не хуже некоторых других, причем вы прекрасно знаете, кого я имею в виду, – отчеканила она, с удовольствием хлопнув дверью перед самым носом Беркута.

«А вот и ответ на вопрос “Что привело к тебе сегодня Клавдию?”» – объяснил себе Беркут.

6

Доставив пленного на КП, лейтенант Кремнев устало доложил:

– В ходе операции один немецкий солдат убит, один взят в плен. Наши потери – ефрейтор Арзамасцев».

– Что... «ефрейтор Арзамасцев»? – медленно приподнимался из-за небольшого, из мраморной плиты сооруженного столика Беркут.

– Мы вернулись без него, товарищ капитан.

– Что значит «вернулись без него»? Что это за доклад? Он что убит, ранен, пропал без вести? Куда он девался, этот ваш ефрейтор Арзамасцев? – Пленный унтер-офицер коменданта как будто бы совершенно не интересовал.

– Можно считать, что пропал без вести, – странно как-то взглянул лейтенант на Войтич. – Еще точнее, попросту дезертировал.

– Это вы ее, покровительницу валаамскую, спросите, где ефрейтор, – вмешался Мальчевский, кивая на скромно присевшую в углу, на ящике, в обнимку со своим карабином, Калину Войтич.

– Почему ее?

– В паре прикрывали наш отход, в паре составляли план ефрейторского драпа, – теперь уже нехотя, понимая, что закладывает девушку, объяснил Мальчевский. Было бы намного лучше, если бы капитан сразу же обратился с вопросом к Калине, а не стал бы уточнять у него что да как. – Время такое пошло: вселенский драп ефрейторов. А началось все – с ихнего фюрера.

– Докладываю, – заговорила Войтич, не поднимаясь, – после выполнения задания, то есть выполнения вашего приказа, ефрейтор Арзамасцев вышел из окружения и ушел к своим.

– Что значит «ушел к своим»? А мы для него, и для вас в том числе, кто, чужие?

– То и значит, что за линию фронта.

– Он, видите ли, к «своим» ушел, старший конюх царя Мафусаила! – возмутился Мальчевский. И возмущал его не столько побег Арзамасцева, сколько то, что участие в его судьбе приняла Калина Войтич. – А мы ему действительно кто, воины племени ирокезов?! Мы для него, получается, то же самое, что задрипанные гренадеры Антонеску?!

– Что касается тебя, то на гренадера ты никак не тянешь, – отрубила Калина. – Даже задрипанного.

– Прекратить! – грохнул кулаком по столу Беркут. – Отвечать только на мои вопросы. Вы что, Войтич, знали, что ефрейтор собрался дезертировать?

– Да не дезертировал он, – устало вздохнула Войтич. – Не с фронта ведь, наоборот, на фронт бежал. Разве не ясно?

– Он был бойцом гарнизона и находился в моем подчинении, – отрубил Беркут. – Был приказ держать оборону здесь. Не мой – командира дивизии приказ. Так что это явное дезертирство.

Калина опять раздраженно вздохнула. Беркут повел себя именно так, как и предполагал Арзамасцев: объявил его дезертиром. Калина понимала: если в таком же духе капитан сообщит о его побеге в штаб дивизии, судьбе Арзамасцева не позавидуешь.

– Здесь он находился в окружении. В Каменоречье оказался случайно. Как и вы, капитан. О существовании лично его, ефрейтора Арзамасцева, командир дивизии даже не догадывается. Так вот, случайно оказавшись в тылу врага, ефрейтор решил пробиться к своим, за линию фронта. И давайте замнем эту историю для полной ясности. – Войтич поднялась, пошатываясь от усталости, дошла до полога, которым была завешана выработка и, уже приоткрыв его, предупредила: – Не советую докладывать о дезертирстве.

– Я не нуждаюсь в подобных советах, – окрысился Беркут. Он и сам не понимал, почему вдруг побег Арзамасцева вызвал у него такое раздражение.

Впрочем, капитану с самого начала этой каменореченской эпопеи не хотелось, чтобы ефрейтор оказался в Смерше раньше него, ибо кто знает, какие сведения он начнет излагать особистам-контрразведчикам, а главное, как станет трактовать их. Особенно его умение перевоплощаться в образ германского офицера.

– Не мог он здесь больше, – изменила тактику Калина. – Ну, не тот он человек, который способен ползать по нашим каменореченским подземельям. Он еще нарадоваться не успел тому, что выполз из концлагеря, считай, из могилы.

– Постойте, Войтич. Может, сами вы и спровоцировали его на дезертирство?

Калина блудливо ухмыльнулась и, дунув на одну из двух освещавших выработку «летучих мышей», словно арию куртизанки, ффировольно пропела:

– Так оно все и было, комендант, так и было: соблазнила Калина Войтич твоего ефрейтора про-щаль-ным поцелуем.

– Значит, здесь он воевать не способен. А пройти десятки километров по тылам врага и преодолеть линию фронта, он окажется способным? Об этом, Войтич, вы подумали, благословляя ефрейтора на дурацкий шаг?!

– По-моему, он даже для кастрации уже не годится, – все так же устало молвила Калина, демонстративно адресуясь при этом к сержанту Мальчевскому. – Как, впрочем, и большинство твоего бессмертного гарнизона, капитан.

– Но-но, – возмутился младший сержант.

– Причем тебя, Мальчевский, кот облезлый, это особо касается. И вообще катитесь вы все, отребье лагерное!

– А ведь и в самом деле... – начал было Кремнев, чтобы как-то замять неприятный осадок от «тронной речи» Войтич. – Тут каждый штык – на вес победы, а он... Знал бы я, что...

Движением руки Беркут заставил его умолкнуть и, отпустив всех кроме него и Мальчевского, начал допрос пленного. Делал он это подчеркнуто вяло и неохотно. Хотя сам унтер-офицер, услышав его добротную немецкую речь, оживился и, охотно рассказывая обо всем, что знал и слышал, принялся выторговывать то, что в его положении выторговать уже было невозможно.

Еще через полчаса, сообщив по рации разведданные и приказав расстрелять пленного, капитан отправился в свою комнатку.

– Не зажигай свет, – услышал он приглушенный голос Калины, как только взял дверь на засов.

– Ты здесь?! – искренне удивился капитан.

– А ты решил, что после своей гневной речи, в присутствии лейтенанта и Мальчевского, явиться сюда я уже не решусь?

– Вообще не ожидал увидеть тебя здесь.

– Замерзая там, в заснеженных оврагах и на льду реки, я мечтала только об одном: еще хоть раз в жизни оказаться в твоей постели. После этого – хоть на эшафот, только бы еще раз. Ну что ты замер у двери? Иди сюда, ложись.

Беркут снял шинель и, прежде чем опуститься на кровать, прижался спиной к предусмотрительно натопленной стариком печи. Эта часть теплой стены оказалась возле кровати, но как только он слегка пригрелся возле нее, тут же ощутил у себя на ремне руку женщины.

– Клавдия побывать здесь в мое отсутствие не успела? – довольно сурово спросила она.

«Неужели донесли?!» – почти панически ужаснулся капитан.

Он так и не сумел определиться, каким образом вести себя с Калиной, чтобы в любую минуту не оказаться на виду у всех в самом идиотском положении. Да и вряд ли это было возможно, – определиться, – если учесть, что настроение ее менялось чуть ли не каждый час.

По крайней мере после той, первой их совместной ночи. Войтич сразу как-то отдалилась от него и вела себя не только холодно, но порой совершенно агрессивно. Словно бы не могла простить капитану своей собственной слабости.

– Мне действительно пришлось поговорить с ней. О майоре, о ее судьбе. Предложил перейти сюда, в дом.

– Ты хочешь перевести ее в дом?! – рассмеялась Калина. – Ты что, капитан?! Ни-ког-да! Нога ее туда не ступит. На пороге пристрелю.

– Да она и не согласилась, – поспешил успокоить ее Беркут. – Из-за страха перед стрельбой, особенно перед снарядами. До подземелья отзвуки боев почти не долетают, поэтому в катакомбах она чувствует себя в безопасности. К тому же там она – рядом с майором, другими ранеными, за которыми начала ухаживать, как медсестра.

– Не оправдывайся, капитан. В любом случае она не решилась бы обосноваться в нашем доме, поскольку знает: хоть раз увижу ее на пороге – пристрелю. – Это свое «пристрелю» Калина, как всегда, произнесла спокойно, почти безынтонационно, и если бы словцо сие слетало с уст любой другой женщины, Беркут попросту не придавал бы ему значения. Но его произносила Войтич. А в ее сладодобийственных устах это уже была даже не угроза, а всего лишь не вызывающая особых сомнений «информация к сведению». – И давай не будем о ней. Может быть, это вообще последняя ночь, которую мы проводим вот так вот, в пусть уже полуразрушенном, но все же доме. Потом нас загонят в подземелье, в штольни.

Усевшись в кровати, Калина привлекла капитана к себе, заставила опуститься рядом, и тут же впила пальцами в его волосы на затылке.

– Ты ведь скучал по мне?

– Вспоминал, – уклончиво ответил Беркут, желая оставаться правдивым перед ней и самим собой.

– Ты не просто вспоминал, ты хотел меня. Так бывает всегда, когда в постели женщина тебе понравилась. А ведь в постели я тебе очень понравилась.

– Понравилась.

– Сказать тебе правду, почему я отпустила Арзамасцева за линию фронта? Любого другого пристрелила бы, как только он заикнулся бы об уходе из гарнизона.

– Раздражало, что слишком часто оказывался рядом со мной. Вертелся возле меня.

– Святая правда, Беркут. Ты возился с ним, как с сыном полка, или еще похлеще. Я так и не могла понять, что вас связывает. И нытье его мне осточертело, и что слишком близок к тебе. Если говорить честно, я его даже немножко ревновала.

– Слава богу, что хоть не пристрелила.

– И пристрелила бы, если бы вовремя не сгинул с очей моих ясных. Все, хватит разговоров, милый. До рассвета осталось каких-нибудь два часа. Утром германец наверняка пойдет в атаку, и кто знает, что с нами случится.

* * *

Беркут взглянул на часы. До рассвета и в самом деле оставалось совсем мало времени. И Калина права, возможно, столько же оставалось им обоим до смерти. Эта убийственно-фронтальная логика и заставила Беркута умолкнуть и, не раздеваясь, юркнуть под обшитую солдатскими одеялами перину – изобретение Калины, под которым в любой мороз можно было засыпать, не опасаясь, что погибнешь от холода.

– Представляешь, как все, кто находится в Каменоречье, завидуют сейчас нам с тобой, – прошептала Войтич, грациозно подплывая под мощное, еще не тронутое тленом ни фронтальной худобы, ни старости, тело Беркута.

Лаская ее, Андрей ощущал захватывающую упругость груди, живота, бедер... Эта удивительная женщина казалась сотворенной из каких-то странных слитков мышц, каждый из которых существовал, пульсировал и сопротивлялся его натиску как бы сам по себе. Возможно, она и была той идеальной женщиной, какую только могла создать природа для выживания, праздника плоти и продолжения рода человеческого.

– Они и в самом деле завидуют нам, Калина, – несколько запоздало признал Беркут, придя в себя настолько, чтобы ощутить, что тела их слились воедино, что лицо его зарыто в пахнущие мятой волосы женщины; что руки Калины крепко и как-то отчаянно обвились вокруг него, каждым движением своим провозглашая: «Мое, мое, все это мое и только мое! И всякую, которая посмеет... – пристрелю!». Вот именно: «пристрелю»!

– Знаешь, капитан, не верю, что мы с тобой здесь погибнем, – молвила Войтич, когда страсти немного улеглись и движения их тел перешли в ненасытную чувственную игру. – Опасаюсь, ужасно боюсь за тебя, но не верю. Видение мне – что мы с тобой как раз уцелеем. Даже если все остальные лягут в землю. Так уж нам суждено.

– Не очень-то справедливо по отношению к другим. А все же хотелось бы...

– Перед уходом на задание заглядывала к старику. Заметил, что он уже почти не выходит из дома?

– Заметил, конечно, жалко старика.

Беркут действительно несколько раз заглядывал к Брыле. Старик неподвижно лежал в большой, на всю ширину своей комнатухи, постели, соорудив из одеял и шинелей то ли спальный мешок, то ли неудачно поставленную палатку, и не то, чтобы слишком уж болел, а просто, целеустремленно, осознанно и вполне добровольно доживал последние часы, объявляя всякому, кто навещался к нему, что час его пришел и пора «отходить к вратам Господним».

– Так вот, завещает мне старик Брыла и дом этот, и камнерезальную мастерскую.

Беркут лукаво улыбнулся. Кто знает, во что превратится эта хижина уже завтра утром. Тем не менее, к радости Калины, оказавшейся обладательницей этого странного камнерезенского «замка», отнесся уважительно.

– И еще, как оказалось, у него есть дом в Камышовке, ближайшей деревне, всего в двух километрах отсюда. Мощный, выстроенный из огромных диких камней, он – Брыла в этом уверен – переживет еще десять войн. Разве что крышу придется подлатать. Но пока что она цела.

– Тот, деревенский, дом – тоже завещает тебе?

– Кроме меня, у него никого больше нет. Единственная дочь, ну, та, о которой я тебе рассказывала...

– Знаю, не надо напоминаний.

– Кто бы мог подумать? – сокрушенно вздохнула Войтич. – И разве она одна?

– Очевидно, тут дело не в ней и не в тебе, а в том, почему в принципе такие концлагеря могли возникнуть в нашей стране... Но ты заговорила со мной о наследстве. С какой стати?

– Потому что собираюсь ждать тебя здесь, капитан. Может быть, в этом же доме. Куда бы судьба ни забрасывала тебя, как бы сладко или дурно тебе ни было – всегда помни: где-то там, в Каменоречье, ждет тебя женщина, которую ты умудрился ласкать посреди двух фронтов. И не важно, будет у меня какой-то мужчина или не будет. Лишь бы ты появился. Если тот, кто возле меня прижился, сам не уйдет...

– ...Пристрелю, – добавил вместо нее Беркут, и оба расхохотались.

– Я так понимаю, что у каждой женщины есть свой, судный мужчина. Так вот, таким, судным, мужчиной моим случился ты. Почему так произошло – не знаю и знать не хочу. Набиваться, жизнь тебе калечить – тоже не собираюсь. Но до конца дней буду помнить, что у меня один «судный» мужчина. И мужчина этот – ты, – вонзалась ему ноготком в грудь Калина.

7

Когда капитан добежал до гребня, за которым, на каменистой равнине, начинались хуторские дворы, яростная атака немцев уже захлебнулась, но в разных точках плато – в развалинах домов, между скалами, на склонах небольших ущелий – пристрелка все еще продолжалась.

На сей раз немцы, судя по всему, не собирались отходить под прикрытие первого вала – как это они обычно делали после каждой неудавшейся атаки, опасаясь того, что русские могут проникнуть им в тыл по подземным ходам. Сейчас они продолжали концентрироваться в небольших укрытиях, очевидно, рассчитывая на поддержку роты, расположившейся на правом берегу реки.

– Эй, как вы там чувствуете себя?! – ободряюще крикнул Беркут, обращаясь к нескольким бойцам, не совсем удачно притаившимся в руинах дома и сарая. Немецкий пулеметчик, засевший на вершине валуна, заставлял их втискиваться в присыпанную мокрым снегом щебеночную грязь, пресекая любую попытку подняться. С высоты его «сопки» эти руины просматривались как на ладони, и только камни, из которых когда-то были сложены строения, да «негордое» ползание пока что спасало бойцов от его пуля.

– Как на приеме у архиепископа, – послышался голос Мальчевского. Но где притаился сам младший сержант, он так и не понял. – Этот «тутанхамон египетский», что на валуне засел, второй час тосты произносит, а пить не дает! Ты там с ним не можешь чокнуться?

– Он прикрыт от меня выступом!

– Ага, устроился, сволочь, как у верблюда на горбу, старообрядец христогосподний!

– Ох, и словарь же у тебя богатый! – не удержался капитан, чтобы хоть как-то морально поддержать его. После удачного отражения очередной атаки он чувствовал себя куда увереннее, чем должен был бы чувствовать комендант тающего на глазах и, по существу, гибнущего гарнизона.

– Германские солдаты! Слушайте меня! Я – лейтенант Хейнштоф, который попал в плен! – прокричал во всю свою голосовую мощь Беркут. – Командир русского гарнизона предлагает вам отойти на исходные позиции! Если через двадцать минут вы этого не сделаете, их штурмовые группы появятся у вас в тылу! И начнут истреблять вас! Всем отходить на исходный рубеж! Повторяю: всем германским солдатам предлагается отойти на исходный рубеж!

Андрей отлично понимал, что этот странный ультиматум не способен заставить немцев отойти. Но в то же время не сомневался, что он внесет сумятицу в их настроение. А значит, даст хоть какую-то передышку его бойцам. Только бы они сумели воспользоваться ею.

– Эй, лейтенант Хейнштоф, или как там тебя!

Несколько мгновений Беркут отыскивал глазами того, кто вступил с ним в переговоры, пока наконец не наткнулся на гребешок тулии офицерской фуражки, несмело высывающейся из-за выступа почти рядом со стволом пулемета.

– Слушаю вас!

– Если ты владеешь русским, то передай их командиру, что это я даю ему двадцать минут! Чтобы он мог сдать весь свой вонючий гарнизон!

– Поговори с ним еще, поговори! – Скосив глаза вправо, капитан увидел Калину. Он узнал ее по тому, как, не по-мужски виляя бедрами, Войтич восходила на склон каменной ложбины. И при этом странно, на вытянутых руках, держала винтовку. – Отвлеки, я сейчас...

– Хорошо. Я передам это коменданту, – Беркут видел, как Калина заползает по желобу. Там, наверху, она окажется в удобной седловине. – Он рядом со мной. Но кто вы?! Как вас представить?

– Я – обер-лейтенант. Командир группы, которая...

В треске стрельбы, доносившейся со стороны основной штольни, Беркут не уловил выстрела, произведенного девушкой, однако ясно услышал отчаянный крик немецкого офицера, медленно поднимающегося из-за уступа. Один из пулеметчиков попытался перехватить его, чтобы обер-лейтенант не полетел вниз, но тотчас же сам опрокинулся на спину, грохнувшись каской по стволу пулемета.

– Ты говори с ними, капитан, говори! – донесся до Андрея азартный голос Калины. – Там еще третий. И несколько человек подбегает! У меня тут с ними последнее, кровавое танго...

– Не высовывайся, засекут! – предупредил ее Беркут. – Мальчевский, проскакивай сюда! Прикрой! – и, выхватив из кармана лимонку, бросился к пулеметному гнезду.

Залег Андрей как раз в тот момент, когда пулемет снова ожил. Очередь прошла у его головы, а высекаемые пулями каменные искры прожигали кожаные перчатки и впивались в руки.

Переждав пулевую истерику немца, капитан чуть приподнял голову и видел, как девушка на какое-то мгновение поднялась на колено, выстрелила и вновь залегла, но лишь для того, чтобы передернуть затвор и осмотреться.

Почти в то же мгновение, когда прозвучал следующий ее выстрел, Беркут рванулся к пулемету, залег уже метрах в десяти от него, сжавшись под небольшим валуном... но очереди не последовало.

«Неужели сумела снять второго пулеметчика? – не поверил своему везению Андрей. И тут же услышал голос Калины:

– К пулемету, капитан! Они подползают! К пулемету!

«Она еще и командует!» – холодно вскипел Беркут. И все же понимал: девушка права. Если немцы опять оседлают эту высотку, выбить их оттуда будет почти невозможно. Андрей бросился к скале.

Левее хутора, воспользовавшись замешательством немцев, к каменному барьеру, полукругом охватывающему хутор, бежали еще несколько бойцов, во главе с Мальчевским. У самой скалы капитан наугад метнул на ту сторону лимонку, переждал взрыв и, поднявшись на уступ, схватился за ствол пулемета. Почти в то же время к ручкам его потянулся подползший на четвереньках вермахтовец. Переметнувшись через покатуя вершину скалы, Беркут ударом сапога выбил «шмайссер» из рук привставшего на колени немца и, выстрелив ему в грудь, упал у пулемета, сразу же поворачивая это грозное оружие в сторону «первых ворот» Каменоречья, где показалась новая волна серо-зеленоватых шинелей.

– Не кипишись, – жаргонным лагерным словечком оладила его Калина, оказавшаяся уже почти рядом с Андреем, чуть в стороне от скалы. – Ударишь, когда подойдут ближе. И посматривай, что там позади меня! – распоряжалась так, словно принимала командование на себя.

– Ты и в самом деле ведешь себя, как снайпер?

– Может, и не снайпер, но лучше меня никто из всей охраны лагеря не стрелял.

На фоне заснеженного гребня, черный «бюст» немца возник, словно полигонная мишень. Калина хладнокровно сразила его и яростно, по-мужски что-то прокричала. Во время всплеска этих эмоций она все же успела дослать в ствол патрон и, как только чуть левее гребня возникла другая полуфигура, с той же убийственной меткостью подсекла и ее...

Однако дальше немцы нахлынули волной и, поудобнее пристроив пулемет, Беркут тоже вынужден был подключиться к бою, очень сожалея, что не сможет проследить за тем, как эта демоническая женщина будет вести себя дальше. Тем более что слева от него уже заработали автоматы группы Мальчевского.

– Соберите оружие! Я прикрою! – раздался голос Калины, когда уцелевшие немцы отошли за первый вал. – Только не мельтешите перед мушкой!

– Слушай, капитан, как тебе эта Кровавая Варвара, что у тебя под боком? – восхищенно уставился на Калину младший сержант, остановившись на минутку возле Андрея. – Хорошего «племянничка» пригрел старик. Жаль, что я поздно вато подметил, что что-то там не то...

Врезавшись в камень позади Мальчевского, пуля с заупокойным воем срикошетила прямо у его головы.

– Куда же ты целилась, христодевственница проклятая?! – в ужасе завопил Сергей, поняв, в какой близости от заветного мужского места прожгла сукно эта подлая бабья пуля.

– Если бы целилась, ты бы уже не хрюкал.

– Да я тебя, стерву, сейчас так причешу! – поднял он ствол автомата.

– Закрой парашу, вояка хренов! – презрительно осадила его Калина, отпрянув однако за выступ валуна. – Не то вторую пулю я всажу тебе в глотку.

– Прекратить! – вмешался капитан. – Мальчевский, к бойцам! Собрать оружие и боеприпасы! Войтич, – грозно, по-командирски, назвал ее по фамилии, – справа, позади тебя – немцы. Помогите той группе!

Калина медленно, слишком медленно, неохотно переставила карабин на выступ правее себя.

«А ведь она с куда большим желанием послала бы еще одну пулю в этого “недострелянного” ею младшего сержанта, – понял капитан. – Слишком уж непривычно для нее не попадать в живую мишень».

8

– Так, где ж это ты, паршивка, вот так вот стрелять научилась? – незло, благодушно поинтересовался Мальчевский, когда бой наконец утих. – Нет я знал, что стреляешь ты метко, сам видел, как там, у «ворот», фрицев отстреливала, но чтобы вот так!..

Вернувшись к разрушенному крыльцу своего дома, Войтич уселась на иссеченную осколками каменную плиту скамьи и, как ни в чем ни бывало, принялась чистить карабин.

– У таких же паршивцев училась, как ты. Но те хоть учили. От тебя-то какой толк?

Поняв, что этот вопрос не последний, Калина вошла в дом, хлопнув дверью перед носом младшего сержанта. Однако Сергея это не остановило. Отряхнул шинель, пригладил русые усики, он водрузил на макушку темени измятую, прожженную в нескольких местах шапку – и решительно подался вслед за ней.

– Да я не к тому, не к приставанию, – извинился прямо с порога. – Ты, Варвара непорочная, и впрямь отлично стреляешь. Не то, что эти амбалы окопные: лишь бы небо смолить. И как ты целишься, видел. Тирная манера.

– Какая-какая?! – раздраженно переспросила Калина.

– Ну, тирная, тирная. Как в тире...

– Пошел ты!.. – прошипела Войтич. – Тебя бы в тот тир, в котором... Вместо мишени.

– В какой «тот»? – все еще не терял благодушия Мальчевский. – Что-то я не понял относительно «того тира, в котором»?..

– Слушай, ты, шестерка лагерная, я ведь могу всадить тебе в лоб, как в десятку. Мозги твои провентилировать.

Опешив от такой грубости, Мальчевский растерянно оглянулся на дверь, не слышит ли кто. К счастью, старик находился в соседней комнате, возился, растапливая печь. Несмотря на то, что чувствовал себя Брыла плохо, сегодня он все же поднялся. А вообще он вел себя так, будто все, что происходит на плато, в каких-нибудь двадцати метрах от дома, его совершенно не касается. В своем доме-крепости, упрятанном под скалу-навес, он словно бы находился на некой нейтральной территории или в защищенном табу храме местных, каменнореченских аборигенов.

Мальчевский еще ни разу не видел, чтобы, растревоженный стрельбой или обстрелом, Брыла выскакивал из дома, бросался к штольне или, наоборот, хватался за оружие, пытаясь защитить свое пристанище. Во всех его действиях, в самом степенном, не знающем суеты поведении чувствовалась то ли мистическая заговоренность ото всех бед и смертей, то ли философски осознанная обреченность старого человека. Возможно, он и слышал то, что говорила сейчас племянница, или кем она ему там приходится на самом деле, но его присутствие как бы оказывалось не в счет.

– Однако жаргон у вас, мадам...

– Потому что в этом мире нужно быть мужиком. Вы, мужва, так перепаскудили его, так перепаршивили, что только такие, как ты, самые наглые и бесшабашные, и могут выжить в нем. А застрелить тебя – для меня действительно раз плюнуть.

Она произнесла это так просто и так спокойно, что Мальчевский ни на мгновение не засомневался: именно так, «раз плюнуть». Только поэтому заговорил с Калиной без привычных своих шуточек – подковырок.

– Ладно, о мире и мужве – не будем. Но что стрелять умеешь по-мужски, это мне как-то сразу приметилось. Тут, видишь ли, дело какое... До войны я был физкультурным организатором. Занимался классической борьбой. Когда до нормы мастера спорта осталась одна победа, получил травму. Впрочем, ты в этом все равно не смыслишь. Как и лекари-знахари, которые списали меня с ковра.

– Что ты плачешься? Мне твои слезы, как утопленнику петля.

– Да это к тому, что, когда началась война, я как раз вез свою команду стрелков. К пограничникам, шефам своим, ехали на Буг. Ну, приехали к вечеру в часть, чтобы, значится, утром провести состязание. Лучшим моим стрелкам-снайперам значки ворошиловских стрелков должен был вручать сам генерал.

– А вручали немцы, – ухмыльнулась Калина. – Не жуй жвачку. Где они вас, стрелков ядреных, прихватили?

– Ты по-человечески уже и говорить разучилась, – не выдержал Мальчевский. – Признайся, сколько по лагерям отмутила?

– Может, тебе еще и справку показать? Что не сбежала, что «под чистую»?

Мина приближалась так медленно и с таким воем, словно ей приходилось натужно пробуравливать серый гранит зимнего неба. И, хотя осколки щедро посекали нависший над домом скальный карниз, а несколько даже врубилось в массивную, крепостной кладки, стену, все равно Калина восприняла взрыв лишь как мучительный конец заунывного вытья.

– Ну так что дальше? Накрыли вас немцы вместе с этой частью, и что? – совершенно спокойно продолжила Калина, как только отгрохотали взрывы еще двух мин и снова наступило затишье.

– В хате мы ночевали. Неподалеку от части, – объяснил Мальчевский, уже стоя у двери. Разговор не получился, он это понимал. Калина вела себя так, что разламывать весь этот черствый кусок своей судьбы Сергею уже не хотелось. Хотя было в этой девушке что-то такое, что заставляло его присматриваться к ней, оценивающе следить за ее грубоватой, далеко не женственной походкой. – Проснулись от гула самолетов, которые – это я сразу определил – шли со стороны границы. Первая волна улетела на восток, вглубь, а вторая сразу же набросилась на часть. Деревню не трогали, шерстили именно военный городок да небольшой полигон, подступивший к леску неподалеку от нашей хаты.

– Так и должны были сделать. Не оставлять же вас нетронутыми.

– Словом, поднял я свое перепуганное «войско», быстро одел его и сразу повел на дорогу, ведущую к части. Чтобы, как мыслилось, помочь красноармейцам обороняться. Но пока мы под разрывами добежали до городка, застали там лишь санитаров, переносивших поближе к лесу раненых.

Казармы уже были разрушены и горели. Склад с горючим взорвался на наших глазах. Ну а все уцелевшие бойцы, как и полагалось им на случай войны, ушли в сторону границы, поддерживать пограничников. Там, у этого злополучного склада, я потерял двоих из девяти своих ребят. Тех, что первыми достигли части и первыми же бросились тушить.

Оставшихся повел назад, к селу. Еще удалось прихватить возле части четыре винтовки.

– Что ты выплакиваешься мне в подол? – озлобленно перебила его Калина. – На кой мне все эти твои страсти?

– Слушай ты, голубка иерихонская, – помотал головой Мальчевский. – Можешь ты хоть раз в году человека выслушать? Если сама растелиться на три добрых слова не в состоянии, то хоть не лязгай клыками, когда хороший человек хорошим словом тебя напутствует.

Девушка коротко, резко рассмеялась. В этом смехе не было ничего женского: какой-то хриплый дрязг замороженных, пропитых связок. Подхватив положенный младший сержантом на стол «шмайссер», она, не переставая смеяться, вырвала из него рожок и очистила ствол от патрона. А проделала все это так заправски и так «между прочим», словно несколько последних лет только то и делала, что возилась со «шмайссерами».

– Потом ты со своими стрелками отходил к родному местечку, – снова напомнила Сергею о его саге. Это напоминание звучало, как просьба о перемирии. – Отходил, да не дошел...

– Точно, – подтвердил Мальчевский, немного замаявшись. – На окраине соседнего села наткнулись на десантников. Человек сорок. Стреляли мои ребята неплохо, но этого на войне

мало. Нужно еще иметь крепкие нервы и уметь воевать. И пока мы по кладбищу отходили к церкви, остался я лишь с двумя хлопцами. Только с двумя, понимаешь? Может быть, мы бы еще продержались часок, потому что отстреливались хорошо, по науке. Из-за каменных стен – да по движущимся мишеням. Человек десять уложили – не вру.

– Не так уж и много, – процедила Калина.

– Но тут прорвались немецкие танки с десантом на броне. Одним снарядом снесли колокольню, вместе с парнишкой, который взобрался туда. Другим проломили стену. Последнего моего вольного стрелка добила уже на моих глазах.

Штыком. Раненого. Прямо у входа.

Мальчевский помолчал. Калина не торопила его. Она ждала заключительной фразы этого рассказа. Ждала, пока хватило терпения.

– Ты-то как свою шкуру спас, если последнего на твоих глазах?

– Под обломки заполз. Там еще пыль столбом стояла.

Немцы метнули гранату, затем добила раненного ее осколком парнишку и дальше пошли поливать огнем. Ну, успокоились, осмотрели то, что осталось от церкви, по лестнице поднялись, заглянули на руины колокольни... Словом, отсиделся тогда твой младсерж Мальчевский, как нашкодивший кот. А потом уже тылами пробирался. Вместе с безлошадными нашими кавалеристами из окружения выходил. Так что там, в церкви... Прием вроде бы детский, как в жмурки, тем не менее жизнь он мне спас.

– Ну, за такую жизнь, как твоя, можно было бы и не цепляться.

Мальчевский умолк, поднялся, нервно поправил шинель, ремень. Перебросил с руки в руку автомат.

– Я тоже так считал, когда заходил сюда. Что за жизнь свою тебе особенно цепляться уже не стоит. Потому что шел с твердым намерением пристрелить тебя, как шавку.

– Что ж мешает? – спокойно спросила Калина, передергивая затвор своего автомата.

– Жалость, – бросил Мальчевский уже из-за порога. И изо всей силы грохнул дверью. – Нашел перед кем исповедоваться, идиот! Это ж надо: первый раз на веку чуть ли не полжизни чужому человеку пересказал! И кому? Какой-то немецкой шлюхе!

Он не видел, что Калина вышла вслед за ним. Не видел, как вскинула автомат.

– Эй ты, ублюдок деревенский!

Мальчевский оглянулся и замер. Одной очередью Калина прошла по склону плато слева от его фигуры, другой – справа. Пули проходили в такой близости от тела младшего сержанта, что ему казалось, будто ощутил в своем теле каждую из них.

– Все, оттатакала свое? – спросил он, сдерживая дрожь, охватившую все его тело.

– Еще раз пикнешь что-нибудь относительно немецкой шлюхи – весь магазин в лоб вложу. Ни под одним камнем церковным не отлежишься.

9

К одиннадцати вечера в светлице дома Брылы перед Беркутом предстали лейтенант Кремнев, сержант-разведчик Исмаилов, а также Мальчевский, Сябрух и Калина Войтич. Ни слова не говоря им, капитан подождал еще немного, и лишь когда в комнату ввалился запыхавшийся лейтенант Глодов, прошелся перед этим небольшим строем.

– Судя по всему, немцы готовят атаку на нас с правого берега, по льду. Бойцы, засевшие на косе, в руинах, которые мы называем «маяком», видели группу офицеров, которые в бинокли изучали наш берег, и солдат, которых они заставили испытывать лед на прочность.

– Так и было, испытывали, – поддержал его Кремнев. – А со стороны реки плато наше более доступное, нежели со стороны левобережья.

– Поэтому, – продолжил излагать свой план Беркут, – я принял решение нанести противнику упреждающий визит вежливости. Сегодня в полночь.

– Опять идти на тот берег? – не сдержался Сябрух. – Дык яны ж нас перебыют еще на льду! У них там теперь пулеметы, по берегу панад рэчкаю! Они сейчас так укрепились после того, как вы в плен унтер-офицера ихнего взяли.

– Точно. Напротив косы замечено две пулеметные точки. И ходит патруль, – простил Сябруху его несдержанность капитан. – Но мы перейдем речку южнее, в районе села.

– Села?! – еще больше удивился Сябрух. – Дык это ж верная погибель.

– Со стороны шоссе у нас более плотная опека. Кроме того, немцы привыкли, что наши вылазки обычно нацелены на шоссе, на долину. А вот на том берегу с диверсионным рейдом мы еще ни разу не побывали. Войтич, вы покажете, где лучше войти в село, объясните на местности, как там в нем ориентироваться, и вернетесь к группе лейтенанта Глодова, которая будет прикрывать нас, затаившись на льду у левого берега.

– Я пойду с вами только в том случае, если возьмете с собой в село, – тут же отрубил Войтич. – И не надо базарить по этому поводу.

– Даже не собираюсь возражать, – мгновенно сориентировался в ситуации Беркут. – Просто, я не вправе был заставлять вас принимать участие в этой операции.

– Нам уже пора выяснить и договориться, капитан: боец я или не боец? Если не боец, тогда воюйте без меня. Если же боец, тогда никаких исключений, я участвую во всех операциях гарнизона.

– Этого альпийского стрелка в юбке надо бы зачислить, – посоветовал Мальчевский. – Она одна укладывает столько, сколько все мы, остальные.

Беркут сдержал улыбку, выдержал приличествующую случаю паузу и жестким приказным тоном произнес:

– Рядовой Калина Войтич, отныне вы зачислены в состав гарнизона, на должность снайпера, и будете находиться в моем непосредственном распоряжении.

– Вот так бы с самого начала, – самодовольно пробубнила себе под нос Калина.

– А теперь слушайте задание. Реку переходим ниже косы, со стороны плавней. На правом берегу тоже видны островки камыша – это облегчает подход. В селе сейчас полно немцев. В том краю села, где мы появимся, у машинного двора, скопились десятки машин. Да и на улицах их немало. Конкретного объекта рейда у нас не будет. Каждый действует в одиночку. Наша задача: вызвать панику, не дать врагу нормально отоспаться, уничтожить как можно больше живой силы и техники. На весь этот рейд в село – час. Через час, под прикрытием группы Глодова, которая будет состоять из пяти человек, отходим на свой берег.

– К моменту отхода ваши бойцы, лейтенант, – обратился он к Глодову, – должны подтянуться к берегу и рассредоточиться до ста метров по фронту, создавая видимость, будто действует большая групп. Вопросы есть?

– Простите, товарищ капитан, – подал голос Глодов, – мне не совсем понятен замысел этого рейда. Нам приказано удерживать плато, готовить плацдарм. Мы это делаем. Идти на тот берег – значит, дополнительно рисковать людьми и тратить боеприпасы.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, лейтенант, следует вначале ответить на вопрос: «В чем смысл войны?» – Андрей остановился напротив лейтенанта, прощупывая его рослую, но довольно мешковатую фигуру придирчивым взглядом. – Дело не только в плацдарме. Мы должны вести активные боевые действия в тылу врага, используя для этого любую возможность. Обычные бои на истребление. Или, может быть, вы трусите?

– Товарищ капитан, просил бы...

– В таком случае отучитесь задавать бессмысленные вопросы, – резко одернул его Беркут. – Все, готовьтесь. Всем взять по две гранаты, ножи, патроны. Проверить, смазать оружие. На той стороне в виде трофеев подбирать только патроны и гранаты. Ну, еще пулемет, если повезет. Без пятнадцати двенадцать сбор у плавневого колодца.

Когда бойцы ушли, Беркут вдруг вспомнил об Арзамасцеве. Неужели прошел линию фронта? Он уже твердо решил, что не станет докладывать о дезертирстве ефрейтора, а если и возникнет этот вопрос, заявит, что сам послал его в разведку. Еще лучше – на связь. В общем, ответ подскажут обстоятельства.

Подсказать, конечно, подскажут. Однако мрачное предчувствие нашептывало капитану, что с этим человеком приключилась беда. Он знал о нерешительности Арзамасцева, о его беспомощности в рукопашной, о проявлявшемся в самые неподходящие моменты безволия. Вряд ли такой человек способен в одиночку пройти линию фронта. И если попадется в руки немцам, тоже вряд ли выдержит. А ведь его примут за разведчика. Или диверсанта. Если узнают, что сбежал из плена и партизанил, – тоже не пощадят.

Ну а на допросах их прежде всего будет интересоваться личность коменданта. И когда в гестапо или СД узнают, что здесь оказался их старый знакомый, Беркут... Того и гляди, где-то поблизости объявится Штубер. Как специалист по вскрытию укрепрайонов и подавлению дотов.

«Да, Арзамасцев... Проявил ты себя, ефрейтор!».

Нет, кто бы мог подумать, что этот парень действительно решится на дезертирство? Крамарчук никогда бы не позволил себе такого. Крамарчук – нет. Господи, скольких ребят он потерял за эту войну!

«А может, и Крамарчук еще жив! – в который раз уже подумалось Беркуту. – Ведь везло же ему до сих пор. Но, даже завидев его перед собой, тебе трудно будет заставить себя поверить в это воскрешение».

– Войтич, – позвал он девушку, выйдя в коридор. И, хотя Калина не ответила, осторожно приоткрыл дверь.

Девушка сидела, прислонившись к теплой стене, за которой была печка, и старательно чистила затвор карабина. Беркуту показалось, что она делает это благоговейно. Он еще не встречал женщины, которая бы с такой любовью относилась к оружию и столь хладнокровно вступала в бой. Для санинструктора дота Марии Кристич оружия как бы вообще не существовало, а Калина... Эта вела себя, как заправский фронтовик.

– Чего тебе?

– Хочу спросить. Только ответьте искренне. Ответ ваш останется между нами. Вы действительно дали возможность Арзамасцеву уйти на тот берег, к линии фронта? Вы ведь сказали, что, еще спускаясь на лед, заподозрили...

– Я еще задолго до рейда «заподозрила». Что из этого? Я ведь тогда все выложила, капитан. Какого дьявола? Зачем он тебе нужен?

– Хочу знать, где он, что с ним.

– Передай по радиии, что сбежал. Там его перед строем, как дезертира. Или в штрафбат. Тогда тебе сразу полегчает.

– Странная вы женщина, Войтич, – теперь Беркут упорно обращался к ней только по фамилии. Проведенные вместе ночи – как бы не в счет.

После всего что он узнал о Калине, мог бы вообще не разговаривать с ней. Хотя никакой особой неприязни к ней не питал. В конце концов она была надзирательницей коммунистического, а не фашистского, концлагеря. А значит, Родины не предавала.

Калина медленно поднялась, вставила затвор в карабин и ловко, по-мужски перебросив его из руки в руку, повернулась к нему. Первое, что поразило Андрея, – перед ним словно бы стояла не Калина Войтич, а совершенно иная женщина. Она впервые предстала перед ним без головного убора, и капитан был удивлен, увидев эти выующиеся, спадающие на плечи волосы, которые, как оказалось, она старательно прятала под огромной заношенной, превращающей ее в уродину солдатской шапкой. В постели он обратил внимание, что у нее довольно длинные волосы, однако не придавал этому значения, не сумел полюбоваться ими.

Еще при первой встрече с ней, когда капитан даже не предполагал, что перед ним девушка, он заметил, какое у «этого парнишки» грязное, словно припудренное золой, лицо, какие неестественные синие круги под глазами. Теперь же, глядя на ее довольно привлекательное обличье – прямой, с детской курносинкой нос, не очень выразительные, но слегка припухшие губы, и голубые (он заметил это еще тогда, когда, Войтич появлялась перед ним с умышленно состарившимся лицом), словно бы подсвечиваемые изнутри глаза, – Андрей как бы заново открывал ее для себя, заново знакомился.

– Что, капитан, началось? – не насмешливо, а скорее сочувственно, улыбнулась она. – Извини, платье одеть не успела. Но ты поменьше пялься, легче будет смириться. Тем более что весь мой марафет – только на эту ночь. Перед рейдом на тот берег. Как-никак домой навещаюсь.

– Почему только на одну? – оторопело пробормотал Беркут. И глаза отвести не смог. Лицо Калины и так оказалось слишком близко, а она еще и тянулась, тянулась к нему, уже приподнимаясь на носках. – Оставайтесь, какой вы есть, привлекательной, я бы даже сказал, красивой.

– Ты бы «даже сказал»!.. – передразнила его Калина.

– В любом случае, маскироваться уже нет смысла.

– Чтобы превратиться в солдатскую шлюху: не немецкую, так красноармейскую? – грубые жаргонные словечки, время от времени слетавшие с губ девушки, воспринимались с еще большей неестественностью, чем карабин в ее руках.

– Но речь не об этом.

– Об этом, об этом. В лагере – да, там я вовсю старалась, марафетилась. Представляешь, тысячи жадных, голодных на мужиков, физически и внешне опустившихся баб?! Видел бы ты, с какой бабьей ненавистью глазели эти стервы, когда я появлялась перед ними: волосы в пояс, на губах помада, юбочка в обтяжку и хромовые сапожки? Вот ради них, ради стервозных взглядов этих лагерных потаскушек, я бы и сейчас вовсю старалась.

– А ради мужчин – нет? – механически уточнил Андрей, не ощущая никакого желания развивать эту тему. – Странная позиция.

– Ради мужчин – уже не то! – вдохновенно вскинула подбородок Калина. – После женского концлагеря – уже не то! Мужчины, они, конечно, алчны, плотоядны. И все же плотоядство их не идет ни в какое сравнение со стервозной опостылостью лагерниц. С их изголодалой бабьей завистью... – глаза Калины светились азартным огнем мести, а губы передернула преисполненная садистского наслаждения улыбка палача, для которого казнь – не суровая обязанность, а порыв вдохновения.

Беркут поморщился, закрыл глаза и отступил от девушки. Слушать все это было невыносимо.

– Через час пойдем на тот берег, – напомнил он, пытаясь поскорее увести Войтич от лагерных воспоминаний, – попытайтесь отдохнуть перед дорогой.

– Да что мне отдыхать? Я готова. Что, не нравится, когда я про лагерь начинаю? Не нравится... Чувствую.

– А почему это должно нравиться мне? – резко спросил Андрей. – Я вообще принципиально, не желаю слышать об этих лагерях. И, если хотите знать, воюю вовсе не для того, чтобы в это время где-то за Уралом создавались новые лагеря для «врагов народа».

– Сказал бы ты такое по ту сторону фронта, капитан, тут же и быть бы тебе лагерником. Да не бойся, на тебя не донесу, – с ленцой проговорила Калина, выдержав едкую, изнуряющую паузу. – Приглянулся ты мне.

– Только поэтому?

– Только.

Андрей молча, понимающе кивнул. Прозвучало откровенно.

– Словом, так, Войтич: вы доведете нас лишь до того берега. Объясните, как лучше войти в село – и сразу же возвращаетесь.

– Ни черта подобного! Я же сказала: готовлюсь дом проведать. Может, на месте его только пепелище осталось.

– Тогда – на свой страх и риск. Вне группы. Выделить провожающего?

– Спасибо, капитан, – иронически улыбнулась Войтич, и, взяв со стола обойму, ловко вставила ее в магазин. – Сам-то провожать небось не пойдешь?

– Ситуация не позволяет.

– Не позволяет, ты прав. Да не беги ты... – остановила уже на пороге. – Погибнем мы здесь, капитан. Все погибнем. Видела я сегодня. Целая колонна немцев приперлась в Заводку. По нашу идрит-тя душу.

– Почему же не сообщили? – спокойно поинтересовался Беркут. – А ведь появление колонны еще раз подтверждает мое предположение – что немцы готовятся ударить на нас с правого берега.

– Можешь не сомневаться, ударят. Не завтра, так послезавтра они нас сомнут. А потому совет: давай сегодня же уйдем за линию фронта. Я там, за селом, болотце одно знаю. Постов на нем нет, и быть не может. А будет – снимем в два ножа. Мин на болоте тоже не ставят. Пройдем. Своим скажешь: не смог вернуться с вылазки, немцы оттеснили. И меня в свидетели. Я ведь человек не фронтовой. Да и какой с тебя спрос? Ты ведь здесь залетный, случайный.

– Исключено, Войтич.

– Слушай, иногда ты мне напоминаешь одну нашу учительницу, которая к колоколу себя привязала, не позволяла снимать его с церкви, – нервно вцепилась она в ложе карабина.

– Допустим, напоминаю. И что из этого следует?

– Не терплю таких. Не терплю, понял?! Ну, иди-иди, черт с тобой! – раздраженно повела стволом, словно уже собиралась конвоировать его. – Спасти тебя хотела, идиота-самоубийцу...

10

Ровно в полночь, короткими перебежками, подстраховывая друг друга, группа преодолела уснувшую подо льдом реку и засела на склонах подступающего к ней оврага.

– Когда Кремнев устроит заваруху возле машинного двора, немцы будут рваться к нему вон через тот мосточек, – показала Калина на едва очерчивавшиеся в синеватом полумраке перила. – Поэтому вам лучше засесть за холмиками, на лужку, и ударить по ним сзади. Оттуда легко отходить к реке, к камышам.

– А ты? – негромко спросил капитан.

– Сразу домой. На порог ступлю – и то легче будет. Потом огородами, садами... Еще и постреляю маленько.

Замысел ее отхода Беркут так и не понял. Хотя желание ступить на порог родительского дома, дотронуться до дверной ручки – воспринималось им вполне по-человечески. Андрей легко мог представить себя на ее месте. Однако меткий карабин Войтич очень пригодился бы им и здесь, у мостика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.